

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 902:393(05)(571.1)
DOI: 10.17223/19988613/66/14

Л.А. Беляев, С.Ю. Шокарев

НЕКРОПОЛЬ ПОСЛЕДНИХ БОЯР РОМАНОВЫХ: СИБИРСКИЕ КОННОТАЦИИ

Статья подготовлена в рамках государственного задания по теме НИР АААА-А18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси – археологическое измерение» при участии Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Статья основана на данных работ в Знаменской церкви Новоспасского монастыря, некрополе детей Никиты Романова (родичей царя Михаила Романова). В борьбе за власть их клан был разгромлен Борисом Годуновым; двое братьев находились в ссылке в Пелыме (Западная Сибирь), один погиб. Новые материалы показывают недостоверность списков XVIII в. с эпитафий (Портфели Г.Ф. Миллера и др.). Связи с Сибирью демонстрируют в Москве также надгробия сибирских царевичей.

Ключевые слова: бояре Романовы; Сибирь; ссылка; Пелым; Новоспасский монастырь; Г.-Ф. Миллер; историческая археология.

Работая вместе с группой археологов и антропологов над книгой [1] о раскопках в усыпальнице Знаменской церкви московского Новоспасского монастыря (рис. 1) и собирая сведения о деле сыновей Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, мы обратились к новой монографии о колонизации Сибири, надеясь найти что-нибудь об их пребывании в ссылке [2]. Указатели сначала обнадежили – в них учтены трое Никитичей, включая старшего, Федора / Филарета, а также топонимы, названные в связи с ними. Однако все упоминания оказались случайными совпадениями. К нашему сюжету они не имели отношения. То есть в новейшей

фундаментальной монографии (а также, как показал просмотр, во многих других близких по теме книгах) рассказ о ссылке братьев Никитичей, гибели одних и возвращении других просто пропущен, он не вызывает интереса. При этом исследователи взаимоотношений востока-северо-востока страны и ее центра историю ранних ссылок, конечно, анализируют, она составляет важную часть общей истории освоения Сибири, и в этом нет ничего необычного: ссылка, начиная с эпохи Великих географических открытий и до недавнего прошлого, была очень привычным способом освоения, колонизации пространства.

Рис. 1. Церковь Знамения Богородицы и Спасо-Преображенский собор. Вид с северо-запада. Фотография начала 2010-х гг. (Источник: http://lifeglobe.net/x/entry/285/78405_3.jpg)

Невнимание фундаментальной истории к драматическому эпизоду из жизни семьи Романовых интересно само по себе как факт историографии. Ведь существует обширная литература, где эпизоды суда над ними, ссылки, последующего возвращения живых и мертвых пристально изучены [см. источники и библиографию: [3–5]. Но эти работы образуют особый кластер, они заключены в капсулы с названиями «история рода Романовых», «история царского некрополя», «история Новоспасского монастыря» и им подобные. Их изучают в герметичном пространстве, важную роль играют вне-научные мотивации – церковные и политические. Достаточно указать названия книг, таких как «Дом Романовых в истории России» [6] или важный для нашего сюжета каталог «Романовы и Сибирь» [7].

События ссылки и посмертной судьбы Никитичей показали нам серьезным поводом заговорить о Сибири еще и потому, что они причудливо сплетаются в пространстве исторической археологии России раннего Нового времени, помогая развернуть критику традиционных источников. В этих историко-археологических контекстах князь / царевичи Шибаниды неожиданно оказываются рядом с боярами Романовыми (на некрополе Новоспасского монастыря) и с другой знатью Москвы (в монастыре Иоанна Златоуста на Маросейке). У них разное будущее, ведь, говоря о Романовых, мы невольно вспоминаем 300-летнюю династию. Судьба потомков Кучума не столь величественна, это судьба почетных пленников: заложники, да и сами вассальные правители оставались в столице сюзерена. Но их живой след в Москве различим и в XVIII в.: там можно было встретить потомков хана Кучума [8. С. 42], а на кладбищах увидеть их семейные памятники, такие как надгробие двух сыновей-младенцев¹ Андрея Андреевича Кучумовича и его вдовы, княжны Ирины Федоровны Ноготковой-Оболенской [9². С. 7–34].

Судьбу ссыльных бояр и пленных правителей Сибири объединяет не только общий драматизм, но и единые проблемы исследования источников, в которые вовлекаются разные направления, от истории и археологии острогов [см., напр.: 10. С. 284–291; 11. С. 157–161] до столичных некрополей и конструирования исторической памяти о национальных героях. Раньше других свое благосклонное внимание на такие памятники обратил Г.Ф. Миллер. Результаты отражены в его Портфелях в РГАДА (Ф. 199. Оп. 2. Портф. 413. № 18. Л. 50–53 об., далее – Портфели), включающих в числе прочего описание памятных камней Новоспасского монастыря; позже эту работу в части надгробных надписей Романовых продолжил Ювеналий (И.Г. Воейков) [12, 13].

Как установил А.В. Беляков, в Портфелях оказались и списки с камней Кучумовичей [14. С. 22–25], что объяснимо: Миллер глубоко интересовался Сибирью и генеалогией правящей династии. Это же предопределило их соседство в критическом разборе на страницах современной литературы: пока мы изучали надписи Романовых, А.В. Беляков сравнил эпитафии Кучумовичей из Портфелей с публикациями Ювеналия и пришел к выводу о достоверности последних в сравнении с первыми. Эти работы шли независимо, но, сравнив выводы, мы поняли, что оценили соотно-

шение источников точно так же. Совпадение результата независимо поставленных опытов в любой науке – важный аргумент в пользу их достоверности (ср.: [1] и [14. С. 25]). К этому добавились факты археологии, полученные при раскопках в 2014–2015 гг. «палатки Никитичей» в Знаменской церкви Новоспасского монастыря [1], что и вызвало появление данной статьи.

Почему Кучумовичи оказались погребенными в Новоспасском монастыре, нужно исследовать отдельно (путь к решению очевиден: разобраться в брачных союзах XVII в.). Но в отношении Романовых такой вопрос не возникает – здесь их родовой некрополь [15]. Тем не менее в рамках его истории вопрос о конкретных погребениях не так прост, как может показаться. Представим его в самом кратком виде, затронув и сибирскую часть сюжета.

Впервые Романовы, сколько известно, побывали в Западной Сибири в начале XVII в. И не по своей воле. В истории борьбы за московский трон после смерти Федора Иоанновича это один из важных моментов (см.: [16], из старых работ: [17–20]). Рубеж XVI–XVII вв. резко усилил соперничество кланов Романовых и Годуновых, до той поры сотрудничавших. Они стояли близко к трону благодаря родственным связям: Анастасия Романова – любимая первая жена Ивана IV, а Ирина Годунова – супруга царя Федора Иоанновича, – и рано или поздно должны были столкнуться. По доносу на боярина Александра Романова все его братья, а также родственники семьи по бракам сестер, попали под следствие и отравились в ссылку. Федор (старший) с супругой Ксенией были пострижены, остальные разосланы по Северу: Александр в Усолье-Луду (Белое море), Михаил в Ныроб (волость в Перми), Иван в Пелым, Василий в Яранск (в Перми). Их сестер Анастасию и Марфу, мужа последней, князя Бориса Черкасского, племянников (детей Федора / Филарета Никитича: пятилетнего Михаила и его маленькую сестру, сирот при живых родителях), наконец, жену Александра Никитича отправили на Белоозеро. Сын Бориса Черкасского, князь Иван, попал в Малмыж на Вятке, князь Иван Сицкой – в Кожеозерский монастырь. По разным городам разделили других Сицких и Шестуновых (даже тещу Федора Романова, Марью Шестову, постригли «на Чебоксаре», в Никольском девичьем монастыре), а также Репниных. События этой ссылки отражены документами и перепиской из Следственного дела, а также нарративом романовского направления, Новым летописцем [2; 21. С. 23–154].

Итак, Иван и Василий Никитичи отправились в Сибирь, в Пелым и Яренск («Яранской город») соответственно. Мы не знаем, каким был их путь туда (знаем, правда, что Василий противился диктату везших его стрельцов и даже выбросил в Волгу ключи от кандалов, надеясь избавиться от оков).

Поскольку Иван оказался в Пелыме, нам следует представить этот городок. Меньше чем за 10 лет до ссылки Романовых, в 1592 г., острога еще не было – воеводам предписывалось его срубить. Лес и мастеров найти не удалось, и к 1594 г. даже стены не начали строить. Со многими перипетиями к 1597 г. поставили три прясла и выкопали часть рва. Ситуация на 1601 г.

точно не известна, но стрельцы-тюремщики имели все основания пенять на трудности службы: это был «фронтир фронта», вокруг начинались земли вогулов, формально признавших права пришельцев, но не спешивших с покорностью к тем, кто не в состоянии и городок-то построить [2. С. 109–114].

Сюда и привезли Ивана Романова. Вскоре, в сентябре, к нему перевели брата Василия из Яранска на Вятку, где тот жил в июле и августе (здесь и далее цитаты из Следственного дела даны по: [3. С. 412–438]). Жизнерадостного недавно юношу стрелецкий сотник Иван Некрасов привез уже тяжело больным. Новый тюремщик Смирнов-Маматов принял в ноябре 1601 г. ответственность за обоих заключенных, позже написав в челобитной (1602 г., 15.02–14.03): «Взял я, холоп твой, у Ивана у Некрасова, твоего государева изменника Василия Раманова ноября в 20-е число больна, толко чуть жива, на чепи, опох с ног; и я, холоп твой, для болезни его, чеп с него снял...» Маматов проявил не так уж много заботы о ссыльных, но явный талант организатора. В отписке 01.01.1602 г. он рассказывает, что посадил братьев в одну избу в большом дворе (тюремный двор пришлось строить, что было, судя по истории с острогом, непросто). Сидели братья по разным углам, вновь в цепях («посадил Василья Романова с братом, с Иваном, в одной избе на чепях же по углу»), и пришлось посылать особую грамоту, чтобы «изменников» расковали. Всего Василий прожил (если называть это жизнью) в Пелыме примерно 3 месяца и скончался на руках у слуги и брата, приняв причастие: «...сидел в болезни его у него брат его Иван да человек их Сенька; и я, холоп твой, ходил к нему, и попа к нему пушал, и представился февраля 15-е число; и я, холоп твой, похоронил его...»

Оставшись один, Иван Никитич выжил, но не выздоровел: «А изменник твой государев Иван Раманов болен старою болезнию, рукою не владеет, на ногу маленко приступает». К счастью, его ссылка подходила к концу: 28 марта 1602 г. последовал указ о переводе в Уфу, оттуда – в Нижний Новгород, куда уже ехал из Малмыжа другой ссыльный родственник, Иван Борисович Черкасский, согласно указу, «на службу». Ехали через Казань по Волге, и Черкасский прибыл первым (1 июля), так как в мае Иван Романов едва не умер: «...разболелся, майя в осмый день, старою своею черною болезнию, рукою и ногою не владеет и язык ся отнял, лежит при конце; и я, холоп твой, хожу к нему, и попа пушал, и в болезни его сидит у него человек его Сенка Иванов». Однако Иван постепенно оправился (от инсульта?): появился аппетит, вернулась речь, рука слушалась и жалоб на сердце не было, хотя ноги свело в коленях и сам ходить он не мог («поехал с Пелыми июня 11 число на Уфу, а повез болного [Ивана Романова] старою его болезнию; везучи язык у него появился, рукою стал владеть, а ноги обе в коленях сволокло, на персты маленко приступает, и то водят, а сказывает сердцо здорово, а ест довольно»). В Нижний они доехали 25 июля в том же состоянии и встали с Иваном Черкасским «на одном дворе...». Примерно через месяц (17.09.1602) пришел указ о переводе обоих в Москву; 14 октября их придержали во Влади-

мире в ожидании нового указа, и через месяц они добрались только до Покрова (между 1 и 17 ноября «приехали за полосмадесять верст до Москвы, стали в Покровской слободке, за пять верст до Киржацкого яму»).

Тем временем в конце августа на Белоозере заболела Марфа Никитична, возможно, вследствие смерти мужа: «...княж Борисова княгиня Черкаского розболелася, августа в 17 день, а сказывает себе ту ж болезнь, которою был болен князь Борис, камчюгом; а появился, сказывает, как князя Бориса не стало, у нее в ногах да потаился был; а ныне, государь, сказывает, что явился у нее камчюг в животе, живот пухнет, так же как у князя Бориса». Впрочем, когда пришел указ всем переехать в вотчину Федора Романова в Юрьев-Польском уезде («и в том же году княж Борисову княгиню Черкаского, да Олександрову жену Романова с детми, да Федоровых детей Романова, велели их с Белоозера взять и велели им жити в Юрьевском уезде Полского, в Федоровской вотчине Романова»), Марфа резко пришла в себя, не затянув отъезда («Так жадна де я царской милости, ехати готова хоти уже, а болезни моей гораздо легчи перед старым, ехати мне мочно» – отписка 5–17.09). По-видимому, в ту же вотчину отправили Ивана Никитича и Ивана Черкасского.

Остатки обширного клана собрались вместе. Но уже не было постриженных Филарета (Федора) и Марфы (Ксении), трех умерших Никитичей, Александра, Михаила и Василия (в Новом летописце напишут, что двух последних убили), князя Бориса Черкасского и других родственников Романовых, в том числе по женам. За два года могучий клан к началу 1603 г. выжил, но не мог претендовать на трон: немощи еще неженатого Ивана, казалось, навсегда убрали Романовых с политической сцены.

Однако общая ситуация уже резко менялась, на этот раз в ущерб Годуновым. В игру вступала фигура, известная под именем Григория Отрепьева, чуть ли не загодя заготовленная Романовыми (так считали некоторые историки) на роль законного царя. Смерть царя Бориса (13.04.1605), убийство его сына Федора (10.05.1605), приход к власти (Лже)Дмитрия I прекратили ссылку Романовых. Пострадавших ждали при дворе – ведь они были родней царевичу Дмитрию через брак Ивана Грозного с Анастасией Романовной. Федор / Филарет стал митрополитом Ростовским. Ивана Никитича в день помазания на царство (Лже)Дмитрия I пожаловали боярством, и он успешно служил до самой смерти в 1640 г. Боярская ветвь рода могла продлиться, но ее пресекла в 1654 г. ранняя смерть бездетного сына Ивана, Никиты³.

В 1606 г. (Лже)Дмитрий I не ограничил милости возвращением живых: он распорядился, видимо по просьбе Ивана Никитича, перевезти прах его брата из Пелыма, и этот перевоз состоялся. Грамота от 31 декабря 1606 г. довольно необычна: «В Пельнь Олексею Ивановичу Зюзину да голове Максиму Ивановичу Родилову. Как к вам ся наша грамота придет, а боярина нашего Ивана Никитича Романова люди в Пельнь приедут, и вы б Васильево тело Романова велели, выкопав, отдать боярина нашего Ивана Никитича Романова людем, хто к вам с сею нашею грамотою придет,

и отпустили их к нам к Москве» [22. С. 251]. На Пелым грамоту доставили 4 марта 1606 г. (о чем на обороте есть пометка). Видимо, в марте–апреле посланцы привезли останки Василия в Москву (вряд ли молодой, но болезненный Иван Никитич сам съездил на Пелым).

Традиционно считают, что в Москву привезли и тела других братьев. Однако документы не сообщают, что стало с останками Александра и Михаила, а также с телами сородичей Романовых, умерших в ссылке (князь Борис Черкасский и др.). Сведения о них можно получить из надписей на могильных плитах, когда-то существовавших в погребальной церкви с отчетливо «романовским» посвящением в честь Знамения Богородицы Новоспасского монастыря. Скажем о ней несколько слов.

Церковь стояла за юго-западным углом Спасо-Преображенского собора, вмещавшим в подклете родовой некрополь Романовых. Когда ее построили – неизвестно, но, видимо, не ранее конца Смуты. В записях о некоторых погребениях есть упоминания о том, что усопшие положены «под церковью», однако эти тексты принадлежат известному памятнику генеалогии Романовых – Новоспасскому помяннику (далее – Помянник), братья их в расчет нельзя (Помянник составлен в 1687 г., и с точки зрения составителей, все погребенные, конечно, лежали в храме). Церковь разберут и заменят новой в конце XVIII в. Важно, что в первой церкви памяти о Никитичах отводилось главное место, и она была создана, как можно полагать, стараниями Ивана Никитича и / или его сына. В храме XVIII в., «шереметевском», сохранили только памятную палатку, как полагали – над гробами Александра и Василия.

Археология и подтвердила все это, и нет (рис. 2–3). Раскопки под палаткой обнаружили только одно погребение, маркированное надгробной плитой, которое принадлежало потомку Никиты Юрьевича Романова –

умершей в 1611 г. Марфе Никитичне, супруге Бориса Куденетовича Черкасского (рис. 4). Остальные надписи середины XVII в. – дальних родственников по мужу, Черкасских, а также Сицких (комментированные чтения см.: [1]) (рис. 5–8). Однако традиция, в том числе традиция поминания и традиция ранней научной фиксации, сохранила для нас списки погребенных, составленные на основе прочитанных во второй половине XVIII в., до сноса церкви, надписей на плитах.

Списки существуют в нескольких изводах. До сих пор самой старой и достоверной фиксацией считались тексты в Портфелях. К ним восходят, как считается, публикация 1792 г. Л.М. Максимовича в «Путеводителе по Москве» [23] и список, опубликованный Ювеналием в 1803 г. Сразу отметим, что в его же более раннем издании, 1802 г., тексты существенно иные. Они гораздо короче и, что важно, строго отвечают «формуляру» московского надгробия.

Рассмотрим их сочетание на примере эпитафии Василия Никитича. У Ювеналия читаем: «Лета 7109 (1601) Февраля въ 15 день, на память Святаго Апостола Онисима, преставися раб Божий Василий Никитичъ Романовъ» [12. С. 44]. Но у него же: «Лета 7109. (1601.) февраля в день 15, на память Святаго Апостола Онисима преставися рабъ Божий Василий Никитичъ Романовъ въ заточении отъ царя Бориса Годунова в Сибирскомъ городе на линии отъ Царя Бориса Годунова въ Нырпу удуленъ» [13. С. 12]. Нашим курсивом обозначено дополнение явно литературного характера, сделанное по другому источнику, да еще с ошибкой, ведь указание на Нырб (в Нырпу удулен) никак не может относиться к Василию, это место ссылки его брата Михаила, к тому же Нырб – до Урала, в Перми, а не в Сибири (случаи aberrаций XVI–XVII вв., где эти понятия путают, редки).

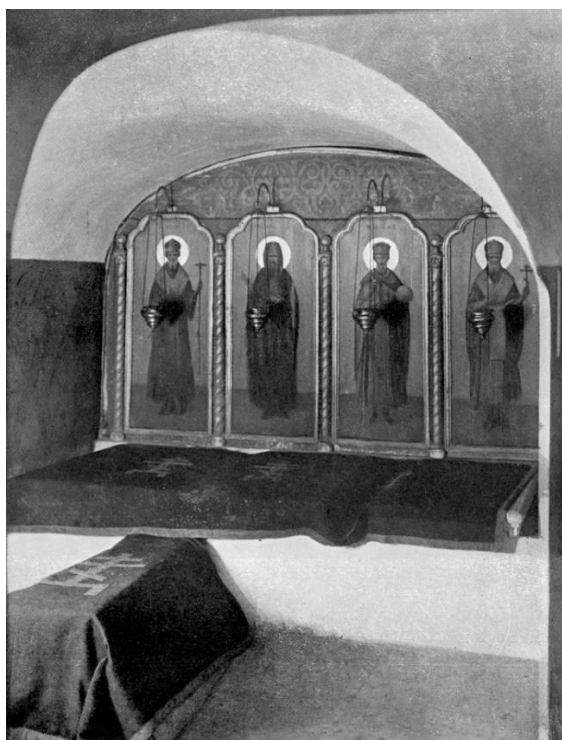

Рис. 2. Юго-восточный притвор церкви Знамения (Палатка Никитичей) в конце XIX – начале XX в.

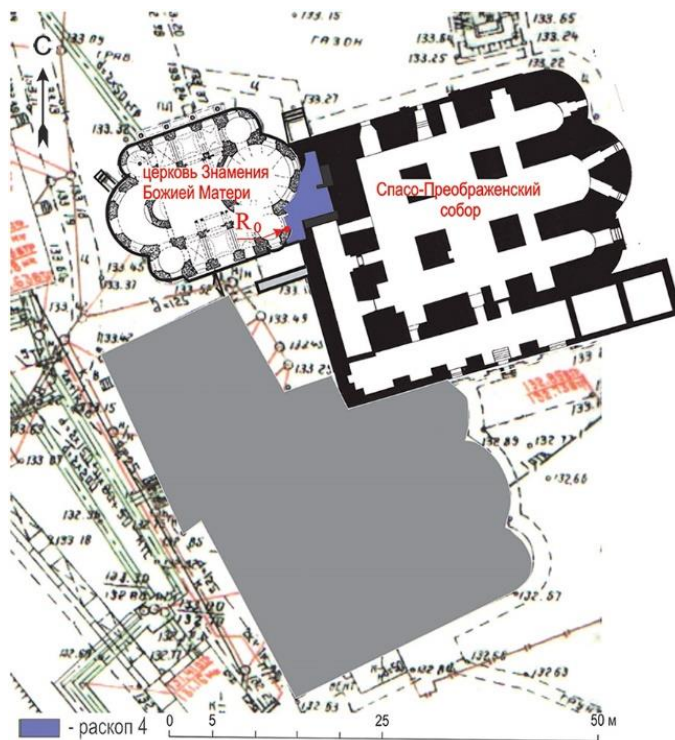

Рис. 3. Фрагмент плана монастыря с указанием участков исследований ИА РАН в зоне церкви Знамения (2014 г.).

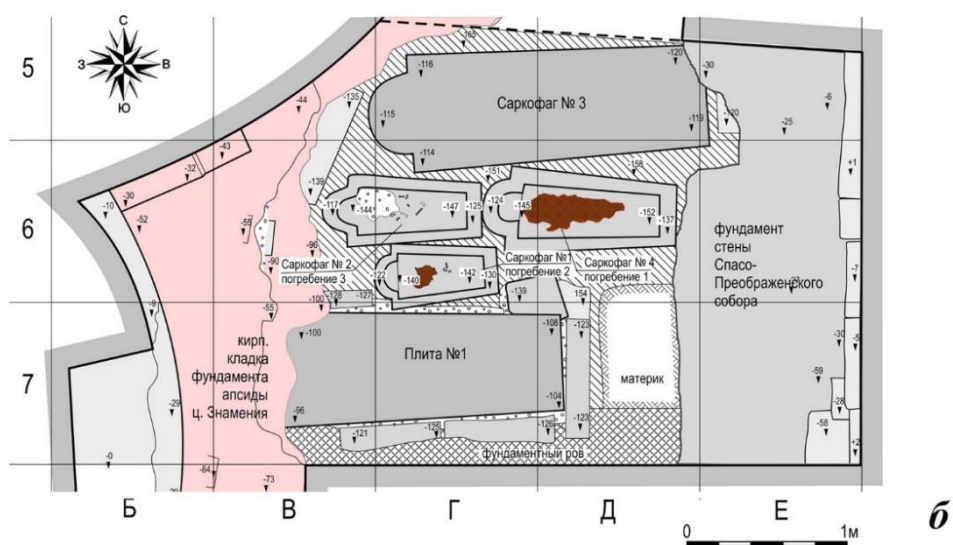
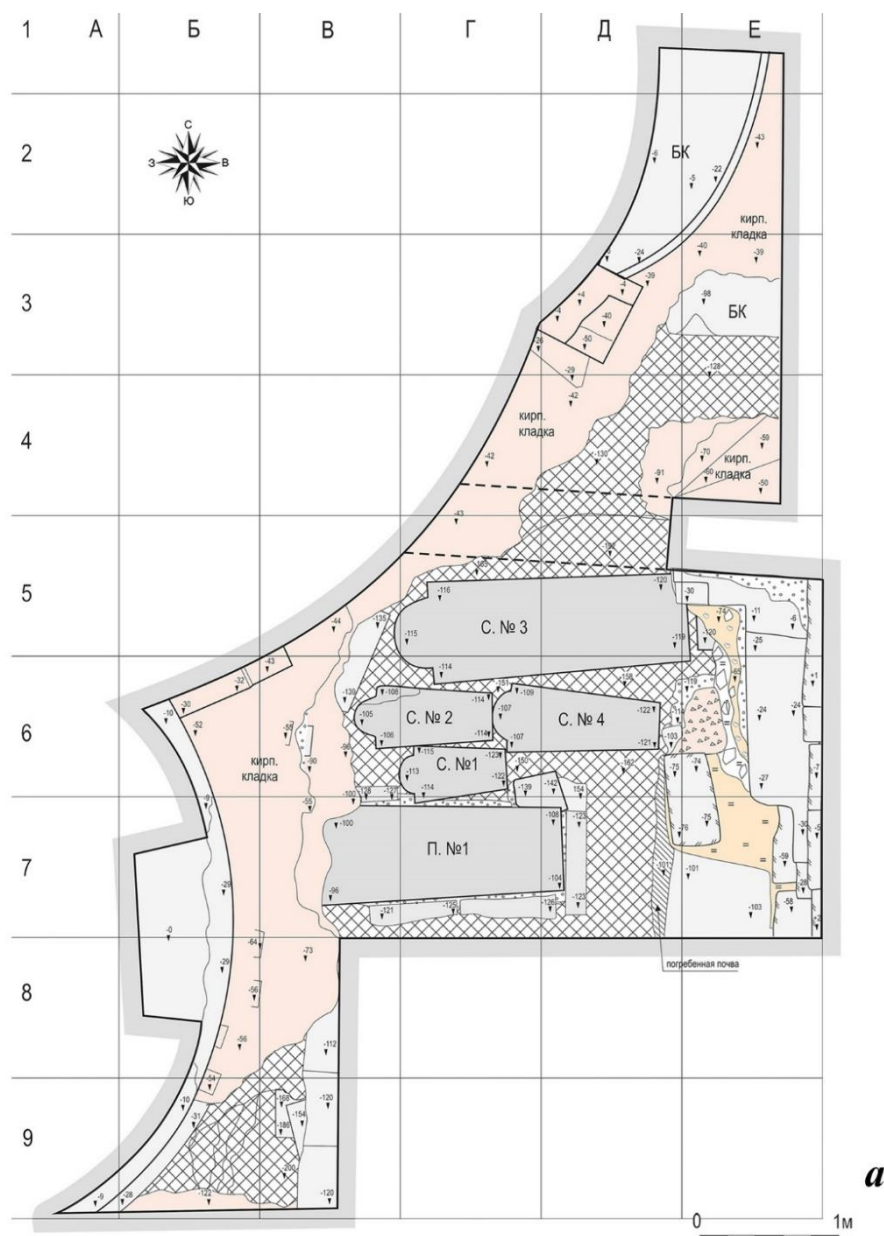

Рис. 4. Раскоп 4-2014 г., общий план сооружений (а);
раскоп 4-2014 г., план белокаменных погребальных сооружений (б)

Рис. 5. Надпись 1611 г. на плите М.Н. Романовой / Черкасской

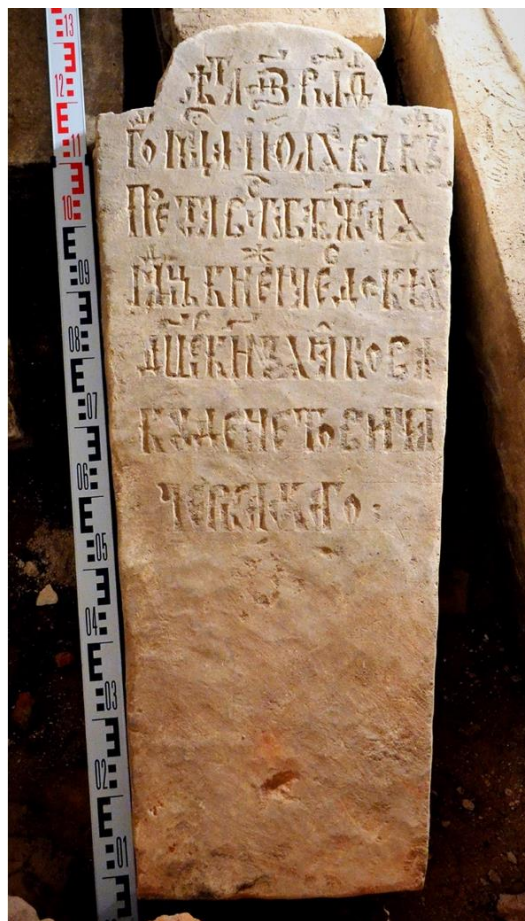

Рис. 6. Надпись 1640 г. на крышке саркофага (№ 4) Е.Я. Черкасской

Рис. 7. Надпись 1644 г. на крышке саркофага А.Ю. Сицкого (найдена в переотложенном состоянии)

Рис. 8. Надпись 1658 г. на таблице надгробного памятника младенцу Я.К. Черкасскому (найдена в переотложенном состоянии)

Рассмотрим их сочетание на примере эпитафии Василия Никитича. У Ювеналия читаем: «Лета 7109 (1601) Февраля въ 15 день, на память Святаго Апостола Онисима, преставися раб Божий Василий Никитичъ Романовъ» [12. С. 44]. Но у него же: «Лета 7109. (1601.) февраля в день 15, на память Святаго Апостола Онисима преставися рабъ Божий Василий Никитичъ Романовъ въ заточении отъ царя Бориса Годунова в Сибирскомъ городе на линии отъ Царя Бориса Годунова въ Нырпу удавленъ» [13. С. 12]. Нашим курсивом обозначено дополнение явно литературного характера, сделанное по другому источнику, да еще с ошибкой, ведь указание на Нырб («в Нырпу удавлен») никак не может относиться к Василию, это место ссылки его брата Михаила, к тому же Нырб – до Урала, в Перми, а не в Сибири (случаи аббераций XVI–XVII вв., где эти понятия путают, редки).

У Л.М. Максимовича находим несколько иную, более исправную, но также дополненную литературно версию: «Лета 7109 (1601) Февраля въ 15 день, преставися рабъ Божий Василий Никитичъ Романовъ, коего молитвенное имя Никифоръ, в заточении от Царя Бориса, въ Сибирскомъ городе Пельме» [23. С. 226]. Здесь нет слов об удушении, но сохранилась инвектива Борису Годунову и указание на сибирский город, правда, правильное – Пелым, и включено молитвенное имя Василия. Обратившись к Портфелям, увидим там именно формулу, близкую к «длинному» тексту Ювеналия: «Лета 7109 февраля въ 15 день на память святого апостола Онисима преставися рабъ Божии Василии Никитичъ Романовъ, молитвенное имя Никифоръ в заточении отъ царя Бориса в сибирском граде на линии въ Нырпу на погосте» (Портфели, Л. 50–50 об.; публ.: [24. С. 21]). Здесь в приписке-расширении сохранено неправильное «в Нырпу» и добавлено непонятное «на погосте» (возможно, в протографе следовало какое-то продолжение, связанное с погребением или переносом тела); указание на убийство убрано, но сохранено «в заточении от царя Бориса»; наконец, стоит загадочное «на линии» (испорченное «на Пельме»? – предлагавшаяся версия «на житии» [24] неубедительна в контексте фразы).

Объяснить эту разноголосицу можно двумя путями. Первый – видеть за ней два эпиграфических протографа, т.е. полагать, что существовало два надгробия, с краткой и пространной надписями (такие случаи известны), или одна была на плите, а другая списана, например, с саркофага – в подклете Новоспасского монастыря таких пар достаточно, есть они и на других кладбищах. При этом одна надпись могла быть синхронной погребению, а другая представлять гораздо более поздний литературный вариант. Второе объяснение – небрежности и ошибки при списывании, особенно возможные с учетом плохой сохранности камней и непрофессионализма читавших, и / или прямое дополнение списанного заимствованиями из иных источников. Не стоит исключать и сочетания всех причин: чтение двух разновременных эпиграфов с мало сохранных носителей, усугубленное включением литературных заимствований в один из них то ли при исполнении, то ли при чтении, в виде дополнения,

а также путаницей в чтении и описками при составлении списков.

Само по себе включение внешних источников здесь несомненно. В распоряжении Г.-Ф. Миллера был список Помянника 1687 г. В нем по поводу смерти Василия та же версия, что у Максимовича: «...преставис рабъ Бжии Василии Никитичъ Романовъ молитвенное имя ему Никифоръ въ заточении от царя Бориса въ сибирском городе на Пельме» (Л. 40 об.; Новоспасский помянник по списку Миллера: публ.: [24. С. 222]; то же в версии Помянника по списку И.Д. Дмитриева, см.: [25]). Видимо, именно это позволило автору путеводителя полностью отказаться от фантастического расширения Портфелей. Другой источник дополнений – Новый летописец или зависимые от него сочинения; по крайней мере именно там мы находим версию об удушении, которой в Помяннике нет (некоторые сведения можно было получить из таких документов монастыря, как Кормовая и Вкладная книги, см.: [26, 27]).

Не стоит думать, что в издании 1802 г. Ювеналий редуцировал более длинный текст надписи, убрав из него все «лишнее». Наоборот. Мы видим в версии 1802 г. точную передачу строгого, сухого московского формуляра (кстати говоря, не склонного называть и молитвенные имена покойных), списанную с первичных плит или саркофагов: Ювеналий имел возможность сделать это, так как при нем происходила подготовка к разборке старой церкви и строительство новой (см. подробнее: [1, 28]). Но в следующем издании он решил опереться на те расширенные тексты, которые содержали Портфели, с материалами которых он был знаком. Такой рассказ отвечал представлениям XIX в. о достойной эпитафии и звучал убедительнее (инвективы Годунова сохраняли в контексте самодержавия известную актуальность).

Учитывая все это, повторим вместе с А.В. Беляковым, что тексты из Портфелей нуждаются в сугубой проверке, к ним следует подходить с предельной осторожностью. Иногда их удастся проверить по независимым источникам, но они есть не всегда, внутренняя же критика затруднена (как в случае с текстами надгробий семей Сибирских князей / царевичей).

Вкратце укажем на другие вопросы, заданные нам Новоспасским некрополем. Действительно ли те, кто упомянут в Помяннике и в списках с плит, был перевезен туда? Когда именно? Как возникли пространные надписи на памятниках Никитичей?

На некоторые из вопросов отвечают тексты. Такова запись Помянника о смерти княгини Евфимии Никитичны (инокини Евдокии), жены И.В. Сицкого, которую 8 апреля 1601 г. «уморилъ въ заточении по велению царя Бориса Михалко Внуковъ»; затем она была погребена «Соловецкаго монастыря в вотчине в Сумском остроге», а ее останки («многострадальныя мощи») перенесены в монастырь «к Спасу на Новое» и «погребены 125 году марта въ 8 де[нь] под церковью Пресвятыя Богородицы честнаго Ея Знаменія» (Помянник по списку Миллера, Л. 40 об., 41 [24. С. 222]; в списке И.Д. Дмитриева практически так же). Списанный Ювеналием текст отличает краткость и другой

день смерти: «Лета 7109 (1601) Апреля въ 2 день, преставися раба Божия княгиня Евфимия, жена Князя Ивана Васильевича Ситскаго, во инокиняхъ Евдокия» [12. С. 226, 227]. Л.М. Максимович сокращает текст Помянника о погребении княгини, не указывая на смерть в заточении и перенос, но с той же датой (2 апреля). В монастыре ее поминали 8 апреля (в день кончины по версии Помянника) и 11 июля (память великомученицы Евфимии) [27. С. 23]. Трудно сказать, какая дата смерти правильная, но это неудивительно: например, кончина князя Б.К. Черкасского указана в трех разных версиях – 22, 25 и 29 апреля. Как показал анализ, не только Портфели – все традиционные источники для Новоспасского некрополя, передающие надписи, не точны и требуют тщательной проверки.

Следует отметить, что до недавнего времени не было известно ни одной плиты или крышки саркофага, которые доказали бы существование «пространных» эпитафий в лапидарной форме. Напротив, найденный при раскопках камень с надписью Марфы Никитичны Черкасской, побывавшей в ссылке на Белоозере, указаний на это не содержит, он строго, не отклоняясь в стороны, следует формуляру, это надпись своей эпохи⁴. Возникали даже сомнения в существовании камней с «длинными» эпитафиями как таковых. Но в 2019 г. С.Ю. Шокаревым среди фрагментов церковного музея в усыпальнице собора Новоспасского монастыря был найден камень с небольшой частью надписи Бориса Черкасского, который подтверждает, что «обличительные» плиты были нарезаны, и, судя по палеографическим признакам, в середине – третьей четверти XVII в., т.е. близко ко времени создания Нового летописца и Помянника (этой находке будет посвящен специальный разбор).

В связи с археологическими находками (вернее, с их отсутствием) нужно еще заметить, что тезис А.В. Белякова о существовании отдельной погребальной палатки Сибирских князей / царевичей косвенно подтвержден – ни в подклете собора, ни в Знаменской церкви фрагментов их семейных плит пока не обнаружено.

Нужно ли думать, что останки, о переносе которых источники напрямую не говорят, остались лежать в других местах, а их парадные надписи в Знаменском храме – своего рода кенотафы? Или, напротив, следует считать несомненной их перевозку в Новоспасский монастырь? То, что указ (Лже)Дмитрия I говорит о перевозе тела прежде всего Василия, логично: Иван и Василий проходили ссылку вместе, Василий духовно поддерживал больного старшего брата, когда они,

закованные в кандалы, сидели по разным углам ставшей для них тюрьмой избы, а Иван был при похоронах младшего брата. Безусловно, у него были все основания просить о перезахоронении тела именно Василия, а не всех Никитичей вообще. Доверить именно ему организацию поиска останков тоже имело смысл: он лучше всех знал, где недавняя могила, что не было лишним в тогдашней обстановке вокруг острога.

Данные о перевозе останков Александра и Михаила опираются на тексты с памятных камней, где внимание зафиксировано на *погребении* (повторном захоронении?) и на том, что они «преставися в заточении» – но не о самом событии смерти. Вполне возможно, что их перенесли существенно позднее 1606 г., как останки княгини Евфимии Сицкой; в записи Помянника (составленного через 70 лет после события) речь прямо идет о переносе в 1617 г. Общий археолого-исторический анализ показал, что Знаменский некрополь – кладбище нескольких семей: Черкасских, Шереметевых, Сицких (последнее погребение в 1672 г.) и, до середины XVII в., – самих Романовых, среди которых главное место занимает семья Ивана Никитича (он сам, жена и сын), а также три его брата и двое сестер (последнее «романовское» погребение, таким образом, относится к 1654 г.).

Некрополь Никитичей – ветвь, отделившаяся от главного кладбища Романовых при особых обстоятельствах. Тексты с антигодуновскими инвективами, отраженные Помянником и записями в Портфелях, вероятно, выполнены в 1640–1650-х гг., когда сложилась ранняя апологетика Романовых. Создателями некрополя на первом этапе был вернувшийся из Сибири Иван Никитич и Марфа Никитична, вокруг которых собрались уцелевшие после репрессий свойственники по бракам. Первым погребенным на семейном кладбище, от которого возьмут начало известные в русской истории фамилии, видимо, стал привезенный в марте 1606 г. из далекого сибирского Пелыма Василий Никитич. Его погребение, а равно и погребения его сыновья братьев, пока не открыты и, возможно, не сохранились.

Надеемся, что в рамках все шире развивающейся дискуссии о взаимоотношениях «центра» и «периферии» в переходный период от Московского царства к Российской империи (см. литературу: [29]) наша публикация и анализ имеющихся материалов некрополя Новоспасского монастыря окажутся полезным сибирским коллегами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Андрей (+ 1620) и Федор (+ 1621). Надгробие представляет собой не намогильную плиту, а парадную памятную доску. Оно нарезано во второй половине–конце XVII в., поскольку сама Ирина, в схиме Ираида, умерла не ранее 1651 г. (в этом году она составила духовную).

² Находку широко тиражируют, и полный список публикаций плиты здесь не приводится.

³ Жена Иван Никитича, Ульяна Федоровна Литвинова-Мосальская (ум. 1650), родила ему восьмерых детей (первый в 1609 г., последний в 1625 г.), но они умирали во младенчестве, кроме Никиты (ум. 1654) и Марфы, вышедшей замуж за Алексея Ивановича Воротынского (1610–1642).

⁴ Надпись уточняет дату смерти: 28 февраля 1611 г. Из других надгробных надписей в Знаменской церкви при раскопках найдены камни не ранее середины века: 27 ноября 1640 г. младенец княжна Евдокия, дочь Якова Куденетовича Черкасского; его же сын-младенец Иван Яковлевич (28 сентября 1658 г.); боярин князь Алексей Юрьевич Сицкой (5 июля 1644 г.); стольник князь Андрей Михайлович Черкасский, 1701 г., 33 лет. Еще один «археологический» фрагмент прямо упомянут как найденный при Ювеналии – это камень той самой Евфимии Никитичны, жены Ивана Васильевича Сицкого, перевезенной из Сумского острога. Обо всем этом – в нашей книге [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Л.А., Медникова М.Б. В поисках бояр Романовых : междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. М., 2018. Вып. 1. 300 с.
2. Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург : Демидовский ин-т, 2018. 504 с.
3. Дело о ссылке Романовых // Хроники Смутного времени / сост. А.А. Либерман, Б.Н. Морозов, С.Ю. Шокарев. М. : Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 412–438. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников).
4. Лаврентьев А.В. Романовы и «старый государев двор» на Варварке // Лаврентьев А.В. Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М. : Археографический центр, 1997. 254 с.
5. Чагин Г.Н. Михаил Никитич Романов в Ныробе (историография вопроса) // Дом Романовых в истории России. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. С. 70–74.
6. Дом Романовых в истории России. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. 294 с.
7. Романовы и Сибирь : каталог выставки. Тюмень. 2014. 78 с.
8. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVII века. Иркутск, 1968. 247 с.
9. Беркович В.А., Егоров К.А. Новые находки надгробий Московского Златоустовского монастыря // Златоустовские чтения. II : сб. докл. конф. 9–10.02.2017. М., 2018. С. 7–34.
10. Горохов С.В. Русский острог в Сибири конца XVI–XVIII вв. как археологический памятник // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2011. Т. 7, № 10. С. 284–291.
11. Горохов С.В. История археологических исследований Сибирских острогов // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв. Новосибирск : СИБПРИНТ, 2013. С. 157–161.
12. Ювеналий (Воейков), игумен. Краткое историческое описание Московского Ставропигиального первоклассного Новоспасского монастыря, из разных исторических, церковных и гражданских, печатных и рукописных книг и документов, во время правления оным монастырем архимандрита Иакинфа Карпинского, собранное и им рассмотренное и одобренное любителями же древностей, ныне на свете изданное. М., 1802. [2], II, IV, 93, XII. 56 с.
13. Ювеналий (Воейков). Описание состоящего в Московском ставропигиальном Новоспасском монастыре храма Знамения Пресвятыя Богородицы... с приобщением надгробных надписей. М. : В Губ. тип. у А. Решетникова, 1803. XII, 56 с.
14. Беляков А.В. Надгробия царевичей / князей Сибирских из Новоспасского монастыря по сведениям Г.Ф. Миллера // Жизнь в Российской империи: новые источники в области археологии и истории XVIII века : материалы междунар. науч. конф. / Ин-т археологии РАН, Ин-т рос. истории РАН. М., 2018. С. 22–25.
15. Давиденко Д.Г., Беляев Л.А., [Пятнов] А.П. Новоспасский Московский в честь Преображения Господня ставропигиальный мужской монастырь // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 51: Никон–Ноилмара. С. 704–727.
16. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605) СПб. : Наука, 1992. 279 с.
17. Студенкин Г.И. Романовы-Юрьевы-Захарьины // Русская старина. 1878. Т. XXII, кн. 8 (июль). Приложение: Родословия. С. 1–526.
18. Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова: родословная рода Захарьиных-Юрьевых-Романовых по материалам И.П. Сахарова, проверенным и дополненным Н.Н. Селифонтовым. СПб., 1898. Ч. 2. 109 с.
19. Селифонтов Н.Н. Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова. Генеалогический и исторический материал по печ. источникам. СПб.: Тип. А. Бенке, 1901. Ч. 1. 271 с.
20. Васенко П.Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Фёдоровича : изд. Комитета для устройства празднования трехсотлетия царствования Дома Романовых. СПб. : Гос. тип., 1913. 225, XIII с.
21. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1910. Т. 14/1. 154 с.
22. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел : [в 5 ч.]. М. : в тип. Селивановского, 1819. Ч. 2, служащая дополнением к 1-й.
23. Максимович Л.М. Путеводитель к древностям и достопамяностям московским, руководствующий любопытствующаго по четырем частям сей столицы к дее-место-описательному познанию всех заслуживающих примечание мест и зданий... : в 4 ч. М.: В Университетской тип., у В. Огорокова, 1793. Ч. 4. 296 с.
24. Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре / [ред. А.К. Станюкович, В.Н. Звягин]. Кострома, 2005. 400 с.
25. Дмитриев И.Д. Московский первоклассный Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем : историко-археологический очерк. М. : Рус. печатня, 1909. 122, 12, [2], II с.
26. Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря. М. : Изд-во Монастыря, 1903. 28 с.
27. Леонид (Кавелин), архим. Вкладная книга Московского Новоспасского монастыря. СПб. : Санкт-Петербург, 1883. 32 с.
28. Морозов К.К. Памятник архитектуры – Новоспасский монастырь в Москве. М. : Сов. художник 1982. 80 с.
29. Новая имперская история Северной Евразии / И.В. Герасимов, М.Б. Могильнер, С.В. Глебов, А. Семенов. Казань : Ab Imperio, 2017. Ч. 1: Конкурирующие проекты самоорганизации VII–XVII вв. 362 с.

Leonid A. Belyaev, Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: labeliaev@bk.ru

Sergei Yu. Shokarev Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia). E-mail: shokarevs@yandex.ru

THE LAST ROMANOV THE BOYARS, THEIR NECROPOLIS AND ITS SIBERIAN CONNOTATIONS

Keywords: Romanovs the Boyars, Siberia, exile, Pelym, Novospassky monastery, G.F. Müller, historical archeology.

The paper deals with the history of the aristocratic clan of the Romanovs and the Kuchumovichs, or Sheibanyds of Siberia. The focus of the 2013–2015 excavations at the New monastery of the Saviour (Novospasskiy), held by the Institute of Archaeology RAS, was the remains of the relatives of Tsar Mikhail Romanov – brothers and sisters of his father Feodor Nikitich (Filaret the Patriarch). After the death of Ivan the Terrible, the Romanovs clan have become the most powerful group around the throne. Boris Godunov, after his election as a new Tsar, threw them out of the political field. Then, he exiled them. The most dangerous person of the Romanovs was the oldest son of Nikita Romanov, Feodor. He and his wife were enforced to took the vows, their small child Mikhail became an orphan. Four other brothers were exiled to the Northern towns and monasteries. Three of them died there under the very suspicious circumstances. The historians of Romanovs family believe that they were killed by their jailers. The Nikita's daughters with their husbands of the noblest families, children and relatives were also exiled and some of them died far from Moscow.

Two brothers, Vasilii and Ivan, were sent to Siberian frontier, to the newly established Russian outpost of Pelym. The youngest brother Vasilii died, but Ivan managed to survive. He and the rest of the clan were returned to their estates in the Central Russia after one year of the exile, in 1601.

When Boris the Tsar died and False Dmitry I enthroned, the rest of the Romanovs were given back their high ranks. Ivan Nikitich asked a permission to transmit the remains of his brother Vasilii from Pelym to the family cemetery of the Romanovs at the Novospasskiy

monastery. Step by step the clan members' corps returned to the monastery and Ivan Nikitich erected the new burial church over their graves as the martyrs.

The epitaphs on their grave stones were studied and published since the late 18th c. It happens that simultaneously started the study of the epitaphs of the Siberian khan Kuchum descendants. Both the texts collections were stored by the prominent scholar of the 18th c. Russia, G.F. Müller, deeply involved in the research work of Siberia. His collection was taken for the most reliable; due to it is the oldest of the copies. But the recent investigation of the documents and the excavations of the grave-church in the monastery changed our assessment of the texts collection of G.F. Müller. The cross-analysis revealed that grave inscriptions of the Romanovs and the Kuchumovichy in his famous "Portfolios" are not original but a result of a compilation of the real engravings with the monastic acts as well as other documents, transformed by historians in favor to the Romanovs. Meanwhile, there appeared the new inscriptions of the descendants of Khan Kuchum at their cemeteries of the late 17th c. in Moscow (the widow of Andrei Andreevich Kuchumovich and two their children).

REFERENCES

- Beliaev, L.A. & Mednikova, M.B. (2018) *V poiskakh boyar Romanovykh: mezhdistsiplinarnoe issledovanie usypal'nitsy XVI–XVIII vv. v Znamenskoj tserkvi Novospasskogo monastyrya v Moskve* [Looking for Romanovs the boyars: interdisciplinary research of the funerary vault of the 16th–17th c. in the church of the Our Lady of the Sign in the New Monastery of the Savior in Moscow]. Moscow: RAS.
- Vershinin, E.V. (2018) *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVII vv.* [Russian colonization of North-West Siberia at the end of the 16th – 17th centuries]. Ekaterinburg: Demidovskiy in-t.
- Lieberman, A.A., Morozov, B.N. & Shokarev, S.Yu. (1998) *Khroniki Smutnogo vremeni* [Chronicles of the Time of Troubles]. Moscow: Fond Sergeya Dubova. pp. 412–438.
- Lavrentiev, A.V. (1997) *Lyudi i veshchi. Pamyatniki russkoy istorii i kul'tury XVI–XVIII vv., ikh sozdateli i vladel'tsy* [People and things. Monuments of Russian history and culture of the 16th – 18th centuries, their creators and owners]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr.
- Chagin, G.N. (1995) Mikhail Nikitich Romanov v Nyrobe (istoriografiya voprosa) [Mikhail Nikitich Romanov in Nyrob (historiography of the issue)]. In: Froyanov, I.Ya. (ed.) *Dom Romanovykh v istorii Rossii* [House of the Romanovs in the History of Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 70–74.
- Froyanov, I.Ya. (ed.) (1995) *Dom Romanovykh v istorii Rossii* [House of the Romanovs in the History of Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- Anon. (2014) *Romanovy i Sibir': katalog vystavki* [The Romanovs and Siberia: the exhibition catalog]. Tyumen: [s.n.].
- Zinner, E.P. (1968) *Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeyskikh puteshestvennikov i uchenykh XVII veka* [Siberia in the news of Western European travelers and scientists of the 17th century]. Irkutsk: Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Berkovich, V.A. & Egorov, K.A. (2017) *Novye nakhodki nadgrobiy Moskovskogo Zlatoustovskogo monastyrya* [New finds of gravestones of the Moscow Zlatoust Monastery]. In: *Zlatoustovskie chteniya. II* [The Zlatoust readings. II]. Moscow: [s.n.]. pp. 7–34.
- Gorokhov, S.V. (2011) Russian ostrog in Siberia of the XVI–XVIII centuries as an archeological monument. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 7(10). pp. 284–291. (In Russian).
- Gorokhov, S.V. (2013) *Istoriya arkhologicheskikh issledovaniy Sibirskikh ostrogov* [History of archaeological research of the Siberian forts]. In: Zakharov, K.V. (ed.) *Osvoenie i razvitiye Zapadnoy Sibiri v XVI–XX vv.* [Exploration and development of Western Siberia in the 16th – 20th centuries]. Novosibirsk: SIBPRINT. pp. 157–161.
- Yuvenaliy (Voeykov). (1802) *Kratkoe istoricheskoe opisanie Moskovskogo Stavropigial'nogo pervoklassnogo Novospasskogo monastyrya, iz raznykh istoricheskikh, tserkovnykh i grazhdanskikh, pechatnykh i rukopisnykh knig i dokumentov, vo vremya pravleniya onym monastyrem arkhimandrita Iakinf Karpinskogo, sobrannoe i im rassmotrennoe i odobrennoe lyubitelyami zhe drevnostey, nyne na svete izdannoe* [A brief historical description of the Moscow Stavropigial first-class Novospassky monastery, from various historical, church and civil, printed and manuscript books and documents, during the reign of this monastery by Archimandrite Iakinf Karpinsky, collected and reviewed and approved by lovers of antiquities, now published in the world]. Moscow: [s.n.].
- Yuvenaliy (Voeykov). (1803) *Opisanie sostoyashchego v Moskovskom stavropigial'nom Novospasskom monastyre khrama Znameniya Presvyatyya Bogoroditsy... s priobshcheniem nadgrobnnykh nadpisey* [Description of the Church of the Sign of the Most Holy Theotokos in the Moscow stavropigial Novospassky monastery... with the addition of gravestone inscriptions]. Moscow: V Gub. tip. u A. Reshetnikova.
- Belyakov, A.V. (2018) *Nadgrobiya tsarevichey / knyazey Sibirskikh iz Novospasskogo monastyrya po svedeniyam G.F. Millera* [Tombstones of Siberian princes from the Novospassky monastery according to G.F. Miller]. In: Belyaev, L.A. & Zakharov, V.N. (eds) *Zhizn' v Rossiyskoy imperii: novye istochniki v oblasti arkhologii i istorii XVIII veka* [Life in the Russian Empire: new sources in archeology and history of the 18th century]. Moscow: RAS. pp. 22–25.
- Davidenko, D.G., Belyaev, L.A. & P[yatnov], A.P. (2018) *Novospasskiy Moskovskiy v chest' Preobrazheniya Gospodnya stavropigial'nyy muzhskoy monastyr'* [Novospassky Moskovsky in honor of the Transfiguration of the Lord Stavropigial Men's Monastery]. In: Patriarch of Moscow and All Russia (2018) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 51. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 704–727.
- Pavlov, A.P. (1992) *Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605)* [The Tsar's Court and the Political Struggle under Boris Godunov (1584–1605)]. St. Petersburg: Nauka.
- Studenkin, G.I. (1878) *Romanovy-Yur'evy-Zakhar'iny* [Romanovs-Yuryevs-Zakharyins]. *Russkaya starina*. 22(8). pp. 1–526.
- Sakharov, I.P. & Selifontov, N.N. (1898) *Sbornik materialov po istorii predkov tsarya Mikhaila Fedorovicha Romanova: rodoslovnaya roda Zakhar'inykh-Yur'evykh-Romanovykh po materialam I.P. Sakharova, proverennym i dopolnennym N.N. Selifontovym* [Collection of materials on the history of the ancestors of Tsar Mikhail Fedorovich Romanov: the genealogy of the Zakhar'iny-Yur'ev-Romanov family based on the materials of I.P. Sakharov, verified and supplemented by N.N. Selifontov]. St. Petersburg: [s.n.].
- Selifontov, N.N. (1901) *Sbornik materialov po istorii predkov tsarya Mikhaila Fedorovicha Romanova. Genealogicheskiy i istoricheskiy material po pech. istochnikam* [Collection of materials on the history of Tsar Mikhail Fedorovich Romanov's ancestors. Genealogical and historical material by printed sources]. St. Petersburg: Tip. A. Benke.
- Vasenko, P.G. (1913) *Boyare Romanovy i votsarenie Mikhaila Fedorovicha: izd. Komiteta dlya ustroystva prazdnovaniya trekhsoletniya tsarstvovaniya Doma Romanovykh* [Boyars Romanovs and the accession of Mikhail Fedorovich: published by the Committee for the Organization of the Celebration of the Three Hundredth Anniversary of the House of Romanov's Reign]. St. Petersburg: Gos. tip.
- Anon. (1910) *Novyy letopisets* [New Chronicler]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 14/1. St. Petersburg: Tip. M.A. Aleksandrova.
- Russia. (1819) *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikh v Gosudarstvennoy kolegii inostrannykh del* [Collection of State Letters and Treaties Stored in the State Collegium of Foreign Affairs]. Vol. 2. Moscow: V tip. Selivanovskogo.
- Maksimovich, L.M. (1793) *Putevoditel' k drevnostyam i dostopamyatnostyam moskovskim, rukovodstvuyushchiy lyubopytstvuyushchago po chetyrem chastyam seya stolitsy k dee-mesto-opisatel'nomu poznaniyu vsekhlazhivayushchikh primechanie mest i zdaniy...* [A guide to Moscow antiquities and monuments, guiding the curious about the four parts of the capital sowing to the action-place-descriptive knowledge of all noteworthy places and buildings]. Moscow: V Universitetskoy tip., u V. Okorokova.

24. Stanyukovich, A.K. & Zvyagin, V.N. (eds) (2005) *Usypal'nitsa doma Romanovykh v Moskovskom Novospasskom monastyre* [The Tomb of the Romanovs' House in the Moscow Novospassky Monastery]. Kostroma: Liniya Grafik.
25. Dmitriev, I.D. (1909) *Moskovskiy pervoklassnyy Novospasskiy stavropigial'nyy monastyr' v ego proshlom i nastoyashchem: istoriko-arkheologicheskiy ocherk* [Moscow first-class Novospassky stavropegic monastery in its past and present: a historical and archaeological sketch]. Moscow: Rus. pechatnya.
26. The Moscow Stavropegic Novospassky Monastery. (1903) *Kormovaya kniga Moskovskogo stavropigial'nogo Novospasskogo monastyrya* [Forage Book of the The Moscow Stavropegic Novospassky Monastery]. Moscow: The Moscow Stavropegic Novospassky Monastery.
27. Leonid (Kavelin). (1883) *Vkladnaya kniga Moskovskogo Novospasskogo monastyrya* [Donation book of the Moscow Novospassky monastery]. St. Petersburg: [s.n.]
28. Morozov, K.K. (1982) *Pamyatnik arkhitektury – Novospasskiy monastyr' v Moskve* [An architectural monument – Novospassky monastery in Moscow]. Moscow: Sov. Khudozhnik.
29. Gerasimov, I.V., Mogilner, M.B., Glebov, S.V. & Semenov, A. (2017) *Novaya imperskaya istoriya Severnoy Evrazii* [New Imperial History of Northern Eurasia]. Kazan: Ab Imperio.